

Елена Колтунова

В его крови смешалось сто кровей

Восьмидесятые годы. В дачное окно сквозь виноградный ажур пробивается предзакатное солнце. Отец сидит на старой высокой и широкой тахте, опершись на нее руками. Он сидит очень прямо и читает стихи.

Я рад, в моей крови смешалось сто кровей:
Суровый славянин, насмешливый еврей,
Грек – тертый гражданин, разбойник ста морей...
Я рад: в моей крови смешалось сто кровей!

Отец сначала читает по памяти, потом по отпечатанному на машинке листку. Я сижу в старом кожаном кресле напротив и слушаю, пораженная звонкостью, напористостью стиха, открытием автора.

– Я сегодня встретил бывшего редактора киностудии Сережу Полищука. Оказывается, он теперь – адвокат. И, судя по тому, что он мне прочитал, – большой поэт. Но – не печатают...

Так впервые от отца – кинодраматурга Григория Колтунова – я услышала о юристе и поэте Сергее Петровиче Полищуке (1929-1994).

Его стихи и судьба настолько поразили меня, что первый разговор о нем остался в моей памяти как живая, окрашенная неистовым жаром предзакатного солнца картина. Так бывало всегда – наиболее яркие впечатления оставались в памяти в обстоятельствах места, времени и действия.

Сегодня я знаю о Сергее Петровиче намного больше. Я прочла все его книги: и те, что он сумел опубликовать при жизни

(Это повесть о жизни следователя «Ищу человека» и поэтический сборник «Песни рыжего клоуна», в который вошло поразившее нас с отцом стихотворение «Сто кровей»), и те, что после его ухода из жизни опубликовала его дочь Наталья Полищук («Записки адвоката», включающие повесть «Старые дороги», автобиографический роман «Купель на площади» и «Библейские напевы»).

«Старые дороги» – это эпизоды из жизни автора, в которых не изменены ни название затерянного в глуши белорусского Полесья городка, где ра-

ботал адвокатом Сергей Полищук, ни нравы и говор местного еврейско-белорусско-польского населения, ни конкретные случаи из практики молодого «аблыката». Только романтическая история женитьбы претерпела некоторые географически-временные изменения.

Биография и образ самого автора проступают во всех его произведениях. В том же поразившем меня стихотворении «Сто кровей», в откровенно ироническом – «Штрихи биографии»:

...А еще, когда в школу мама
Приходила узнать отметки,
Ей всегда говорили прямо,
Что мальчишка – мерзавец редкий.

Что над всеми готов смеяться,
Сам себе рисует «пятерки»,
Станет неучем и *паяцем*
И рыдать будет после горько...

Только некто, бывший псаломщик,
Школьный дворник с усами Бульбы,
Говорил: ничего, мол, хлопчик,
Мол, еще и артистом будет!

Будет, может, даже *поэтом* –
«Бо дурный», – пояснил причину...

Оказались правы и тот, и другие. Поэт и рыжий клоун.

Шут рыжий Сережа,
Ну что ты можешь:
Смеяться над ближним
И дальним тоже,
Валять дурака,
Дураков тревожа,
Быть вечным клоуном
Иглокожим...

...Шут рыжий Сережа,
Чего ты хочешь
И что ты добрых людей морочишь!
Себя мордуешь,
Себя морочишь
И дни и ночи,
И дни и ночи!..

«Все мы в этом мире клоуны – белые или рыжие...» – утверждал Федерико Феллини. Полищук в жизни «...в большом своем балагане, / Где каждый прячет лицо умело, / Где врет по-черному клоун белый...» избрал ампула «рыжего клоуна», который «Смеясь, по проволоке шагает, / Хлопки срывая и оплеухи...».

Повторять, что жизнь зебра, – банальность. Но у одних полосы ярче, контрастнее, у других – почти сливаются. Контрасты в жизни Сергея Полищука просматриваются еще в его происхождении.

Отец – адвокат Петр Матвеевич Полищук, выпускник Петербургского университета, крещеный выходец из еврейской семьи. Предки управляли имением в Полесье. Скот и пшеницу возили на ярмарку в Париж. Возвращались обратно с большими деньгами. Чтобы не ограбили в дороге, наедались чеснока так, что пассажиров, заглянувших в их купе в поисках свободного места, тут же выносило прочь.

Мать Мария Александровна (в девичестве Скопинская, родовое имя Фловинская) окончила Смольный институт. Ее предки появились в Ананьевском уезде раньше, чем возникла Одесса. Получив землю, основали деревню Фловиновка, существующую по сей день. Ее мать, бабушка Сергея, до конца жизни не забывала о своем «высоком происхождении». В «Купели на площади» один из самых ярких образов – это мать Марии Александровны.

Сама Мария Александровна в романе «Купель на площади», как и в воспоминаниях Натальи, предстает этакой «железной леди». Бывшая смолянка обладала цельным жестким характером. В оккупации Мария Александровна делала все, чтобы спасти еврея мужа и уберечь сына. (В глазах оккупантов крещеный еврей все равно оставался евреем.) К сожалению, ей удалось лишь второе.

Она преподавала французский язык в Одесском университете до 86 лет. Преподавала, пока не окончила университет ее последняя ученица. Трудно поверить, но в 1945-м она ездила со своими студентами... на лесоповал. Когда ей исполнилось 90 лет, Наталья взяла бабушку в круиз. И когда в круизе Наташе пришлось возить по больницам одного из интуристов, успешно заменила внучку в качестве переводчика, причем не только французского, но и немецкого языка, который в свои 90 она восстановила в памяти. Мария Александровна умерла в 92 года.

Отец Сергея Петр Матвеевич погиб в гетто в декабре 1941 (его родители погибли еще раньше на «Дороге смерти»). Поскольку дед был крещеным, его тело выдали жене для погребенья. Петр Матвеевич захоронен в дальнем углу 2-го Христианского кладбища. Там же впоследствии упокоилась его жена Мария Александровна. Там же Наталья похоронила отца Сергея Петровича Поли-

щука и мать Нину Николаевну Буненкову. На их скромной могиле ежегодно в дни проводов Пасхи Наталья собирает друзей своих родителей, которые стали и ее друзьями. Вспоминают прошлое, читают стихи Сергея Полищука.

Небольшое отступление. Сергей Петрович очень любил гостей. Друзья в доме бывали почти ежедневно.

Когда в 1963-1968 годах Полищук работал в издательстве «Маяк», все изданные книги обмывались у него дома. В доме бывали многие. Бывал Морис Бенемович, Феликс Кохрихт (его любовно называли «рыжий Феликс»), Юрий Михайлик, Олекса Шеренговый и другие. Когда Сергей Полищук, прозу которого не публиковали, начал писать стихи, он получил возможность выплеснуть накопившееся в кругу друзей.

Стихи свои Сергей читал настолько ярко и выразительно, что запоминались они именно в авторской интерпретации, с теми же акцентами и интонациями. На одном из вечеров, посвященных Сергею Петровичу, его знаменитую «Иродиаду» прочла известная искусствовед Ирина Тимохова. По свидетельству Натальи, Тимохова читала абсолютно так, как когда-то читал «Иродиаду» сам Сергей. И еще. Вспоминает Наталья Сергеевна:

– На вечере в клубе при «Хэседе» я читала папины стихи. Вдруг из первого ряда поднялся седовласый старик и начал по памяти читать стихи отца. Он читал по-своему, но очень хорошо. Меня поразила его большая благородной формы седая голова. Это был кинодраматург Григорий Колтунов, о котором мне папа много и с восхищением рассказывал.

Наша дружба с Наташей началась много позже того памятного дня, когда я впервые услышала о поэте Сергее Полищуке, и лишь лет через 8-10, после того как она познакомилась с моим отцом. Нас сдружило то, что мы обе – «папины дочки», для которых отцы были самыми главными людьми в жизни.

Вернусь к Петру Матвеевичу. В романе «Купель на площади» Сергей Полищук разделит образ отца между двумя персонажами – отцом героя повести Жени и отцом его двоюродного брата Геночки. Так же, как самого себя, свое оккупационное детство, свои черты характера он разделит между самим Женей, от имени которого написан роман, и Геночкой.

Как-то Наталья Полищук случайно встретила на улице секретаря своего деда. Это была маленькая трогательная пожилая женщина. Она рассказала Наталье, каким был ее дед, как он, рискуя свободой и даже жизнью, спасал людей от политических процессов, «клея» им мелкие правонарушения. В ее рассказе Наталья узнавала и своего отца. Он тоже спасал многих. Он спас жизнь женщине, доведенной мужем до убийства. Он спас от расстрела людей, проходивших по большому экономическому делу «Луна-парка». Во время этого процесса Сергей не выходил из суда шесть месяцев. Он помогал людям спасать квартиры от посягательств аферистов-родственников. Журналистке М. помог сохранить детей и доброе имя. Защищая журналистов, он вообще отказывался от денег, даже в кассу журналисты платили лишь за оформление бумаг.

Да, Полищук вытаскивал многих. Но когда попадались ему негодяи и насильники, отказывался их защищать, какие бы деньги ему не сулили. «Я не могу плакать в жилетку, потому что у мерзавца было тяжелое детство», – говорил Сергей.

Сергей Полищук проработал в Одессе адвокатом более 20 лет, получил медаль «Ветеран труда». Но не оставил после себя ни престижной квартиры, ни дачи, ни машины...

Оставил добрую память и свои литературные труды, в том числе очерки по криминалистике («детективные» материалы ему подкидывали следователи). Писал и о наиболее интересных процессах, в некоторых он участвовал сам. Например, в громком деле Василия Б., которого обвиняли в украинском национализме и антисоветизме.

Юридическую карьеру Сергей Полищук начинал следователем прокуратуры в Днепропетровске. Но сам «зарезал» ее, написав, что подростком оставался на оккупированной территории. Прокурор, с которым он работал, настойчиво советовал ему не писать правды: «Лучше напиши, что ты отсиживался в овраге»...

Сергей вернулся в Одессу, а затем по комсомольской путевке поехал в Черкассы, работать редактором в комсомольской газете «Черкасская правда». Там он и женился на Нине Буненковой, попавшей в Черкассы по распределению – она окончила Минский институт народного хозяйства. Жили трудно, снимали жилье,

в котором не было элементарных удобств. В туалет надо было пробираться через занесенный снегом двор.

Затем был Минск, аспирантура, но... Сергей взялся защищать «не того» (еврея, связанного с политикой).

Жили у тещи, не слишком одобрявшей выбор дочери. Ей казалось, что тощий зять болен туберкулезом. Домик был маленький, через щели – небо видно. В дождь над новорожденной Наташей держали лоханку. Наконец получили квартиру в новом доме. В шикарном – ванна, душ, туалет и... деревянная плита, на которой вечно чадили 2-3 керогаза.

К моменту получения квартиры Сергей уже работал в «Старых дорогах» «аблыкатором». В Минск за ордером он добирался на лесовозе, лежа на обледеневших бревнах, из последних сил сжимая их задубевшими от холода руками. Лишь в конце 50-х Сергей покинул «Старые дороги» и вернулся в Минск. Начал работать редактором в издательстве, где его уже знали по статьям и очеркам, присылавшимся из «Старых дорог».

Тогда же Полищук по подписке получил Библию, по которой и были созданы им «Библейские напевы» (псалмы Давида), впоследствии положенные на музыку одесским композитором В. Ульяш.

Полищук все время рвался в Одессу. Когда открылась вакансия редактора на Одесской киностудии – он оставил Минск.

В 1963-м Полищук перешел на работу в издательство «Маяк». Тогда же начал писать автобиографический роман «Купель на площади». На его страницах – все пережитое в страшные годы оккупации Одессы. Но... Это сейчас из румынского правителя Одессы кое-кто пытается сделать чуть ли не благодетеля города, при нем-де работали театры, процветала торговля, открылась гимназия. Да, все так, город заполонили румынские коммерсанты, артисты. Но в то же время были уничтожены сотни тысяч людей. Все это нашло место в романе Полищука. Он ведь писал объективно, писал о том, чему был свидетелем. Однако роман сочли порочным. Набор рассыпали, готовые экземпляры изрезали в лапшу. Появились разгромные статьи. В одной статье Сергей «попал под раздачу» вместе с Кирой Муратовой, которую громили за фильм «Среди серых камней».

Сергей впал в депрессию. Спасли стихи, которые он начал писать.

Первое серьезное философское стихотворение – «Ешуа».

Нет, Ешуа, здесь вас не поймут, Ешуа,
И никто не поверит, что плотников сын – пророк...

В «Ешуа» много личного. Поиск человеческого в Боге и божественного в человеке. Ведь есть же в его стихотворении-завещании «Когда я умру» такие строки:

...И когда я умру, вы меня отпойте в маленькой церкви...
Попу не говорите о том, что, глупец убогий,
При жизни не почитал я, в общем-то, никаких богов,
Скажите так: он ведь и сам был богом,
И слов чтил святость, и мир свой создавал из слов...

Год или два Сергей проработал редактором бессмертныхopusов в НИИ труда, где радовали лишь перекуры. В те годы он встретил своего друга по гимназии времен оккупации Бориса Куклова. Куклов открыл Сергею Галича и Высоцкого, возил из Москвы их записи. Дружба с ним помогла восстановить душевное равновесие.

Все годы Полищук мечтал вернуться в адвокатуру. Ему удалось это сделать лишь летом 1973 года.

Сергей Петрович вкладывал в своих подзащитных всю душу.

Вот что писал о нем его коллега адвокат Корнеев:

«Защищая, как правило, «В порядке ст. 47 УПК Украины» (то есть «по назначению» – бесплатно) социально либо физически ущербных, психологически надломленных людей, он в каждом из них видел Человека. Он никогда не «тыкал» им. Он говорил им «Вы». (...) Он был интеллигентом, то есть гуманистом».

Старые адвокаты помнят случай, когда Полищук потребовал вежливого обращения судьи к своему опустившемуся клиенту-рецидивисту. И судья подчинился.

Сергея Полищука не стало на 65-м году жизни...

Стих Полищука «Распятию на могиле Карела Чапека» может быть эпитафией самому автору.

Зачем же, господи, бессмертья
Ты не дал лучшим сыновьям,
Как их писаньям и делам,
Как их высоким именам,
Но – жизни клочок на этом свете,
Но только хвори, только плети,
Сомнений многотонный хлам!..
Зачем висишь, увы, и сам,
Проживши только треть столетья!

В этом году Сергею Петровичу Полищуку исполнилось бы
85 лет – и 20 лет как он ушел из жизни.

Берлин

